

Эммануил Казакевич и еврейский театр

Иосиф Колин-Гросс

В середине 1933 года Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР принял решение об организации в Биробиджане государственного еврейского театра (БирГОСЕТ) на базе выпускного курса еврейской театральной школы-студии.

Признаюсь, что это решение меня не очень обрадовало - очень хотелось остаться в ГОСЕТе, в Москве; я уже полюбил репетиции спектакля по драме Д. Бергельсона «Мидат а-дин» (« Мера строгости»), отвечавшего потребностям нового времени, с которого начался новый этап в театре в связи с приходом Ш. Михоэлса, Не хотелось расставаться с любимыми учителями, зданием театра на Малой Бронной. Соломон Михайлович Михоэлс меня успокоил, сказав, что это решение меня не касается. Но назначенный директор биробиджанского еврейского театра Эммануил Казакевич решил иначе.

С этим удивительным, необыкновенным человеком мне посчастливилось длительное время дружить и работать. До того, как с ним лично познакомиться, я уже был наслышан о юном еврейском поэте из Харькова – Эмме Казакевиче. Я с удовольствием слушал истории, которые рассказывали Михаил Шапиро и другие студентв студии о его эрудиции, о его стихах. Сделанные им переводы произведений Гейне хорошо знали студенты театральной школы-студии. Мы были наслышаны о проказах харьковской компании литераторов, среди которых особенно выделялись Биньомин Рискинд, Файвл Сито и Эмма Казакевич, сын известного деятеля культуры Генаха Казакевича, бывшего в то время главным редактором харьковской республиканской газеты «Дер штерн».

Эммануил Казакевич был влюблен в Биробиджан, тайгу, которым посвятил много произведений, и своей любовью к этому краю заразил всех молодых актеров, окончивших школу-студию при Московском ГОСЕТе.

Казакевич был организатором и первым директором Биробиджанского театра. Он не был директором в обычном понимании этого слова и никоим образом не сочетал в себе функции бездушного администратора.

На Красной Пресне, в Доме культуры имени Ленина находилась база организованного БирГОСЕТа. Из кабинета директора раздавались смех, чьи-то громкие возгласы, аплодисменты. На письменном столе, диване, табуретках и даже на полу сидели молодые артисты нового театра. Посреди комнаты стоял высокий юноша в роговых очках, с худощавым лицом, увенчанным красивой прической. Он читал стихи. Не только лирические, но и иронические – эпиграммы, каламбуры – в общем, замечательные вирши. И все это наш директор - Эммануил Генрихович Казакевич.

Эм. Казакевич в Биробиджане. 1932 год

Руководители такого сорта встречаются нечасто. Представьте себе, что этот высокий, чуть сутуловатый и близорукий молодой человек, поэт-лирик, решал большие организационные вопросы, которые возникали перед таким сложным организмом, как новый театр. Задачи были нелегкие, и первая, главнейшая из них – укомплектовать труппу. Мы же, группа неискушенных артистов, приехавшие из театральной школы-студии, были лишь ее ядром, и поэтому театр должен был включить в свой состав опытных мастеров. Таковых можно было заполучить лишь из действующих еврейских театров. Только энтузиазм, романтика и необыкновенная влюбленность в профессию смогли повлиять, чтобы некоторые актеры покинули такие большие города как Киев, Одесса, Минск, Москва, и отправиться в далекий Биробиджан.

Этот мечтательный парень в кожаной куртке, постоянно погруженный в свою поэзию, должен был организовать производственный процесс театра, оборудовать технические и подсобные цеха, обеспечить дровами, гвоздями, материалами для оформления сцены, пошить для артистов костюмы. Достать и сделать перечисленное в те годы было так же трудно, как поднять гору, и Казакевич ее поднял. Стоял 1933 год.

Перевести целый театр из Москвы в Биробиджан, обеспечить людей жильем, открыть в новом здании первый театральный сезон – было непосильной задачей даже опытному администратору, и Казакевич все эти задачи решал. Решал смело, с юношеским задором, не теряя чувства юмора и добродушия.

Вагонов для перевозки своего оборудования и имущества театру не давали. На официальные бумаги, отправленные в наркомат (министерство), пришли отрицательные ответы. Тогда Эммануил Казакевич, придя в наркомат, прямо в кабинете ответственного работника, стал читать стихи. Ответственный товарищ, как оказалось, был поклонником поэзии... И бумаги тут же были подписаны.

Здание БирГОСЕТа. Архивное фото

Этот странный директор не имел помощников. Он все делал сам. Я не могу припомнить, чтобы Казакевич таскал с собой портфель. У него его просто не было. Как не было и секретаря, К нему в кабинет обычно заходили запросто – без стука в дверь, без «доклада»...

Вспоминаю, как год спустя (он уже тогда не был директором) после прихода Эммануила в театр по какому-то делу, его остановила вышколенная секретарша а и спросила: «Вы к кому?». Казакевич на нее с удивлением взглянул и ответил: «К директору». «Кто вы и как вас представить? - выпытывала секретарша. – «Александр Македонский», - ответил Казакевич, развернулся и ушел.

Мои репетиции в ГОСЕТе здорово мешали репетициям пьесы «Интервенция», которую мы готовили в Биробиджанском театре. Казакевич много раз говорил с Михоэлсом об этом, но Соломон Михайлович упрямо стоял на своем и не освобождал меня от репетиций в ГОСЕТе при том, что я уже официально был связан с БирГОСЕТОм. Как-то раз ко мне подошла Фаня Ефимовна, секретарь театральной школы-студии, которая к тому же тогда занималась делами Биробиджанского театра, предложив мне: «Если хочешь получить аванс, подпиши договор с Биробиджаном»... Мне еще никогда не приходилось подписывать контракты, и не думая о последствиях, я поставил свою подпись и получил аванс.

Помню первое собрание коллектива БирГОСЕТа в фойе Московского ГОСЕТа и яркую речь Эммануила Казакевича. После собрания Соломон Михайлович дал согласие на мое пребывание в Биробиджане: «Пусть Штофенмахер (моя фамилия) едет в Биробиджан, но только на один сезон...» Но затянулось это не на один, а на целых тринадцать сезонов.

Вспоминаю один из вечеров в ДК им. Ленина на Красной Пресне. В кабинете Казакевича особенно шумно. Составляется первая афиша нового театра. Вдруг ко мне обращается Эмма: «Иосиф, следует подумать насчет твоего псевдонима. Что это за актерская фамилия Штофенмахер? Представь себе, что в конце спектакля некоторые театральные поклонники -психопаты будут тебя вызывать на сцену, и в зрительном зале лишь будут слышны неблагозвучные окончания твоей фамилии: «...ма-хер! .. ма-хер!..» И тут все коллеги хором стали подсказывать мне псевдоним. Назывались самые красивые и звучные фамилии. Я их все обдумывал, но всерьез не принимал. Когда через несколько дней принесли отпечатанную афишу, своей настоящей, от рождения, фамилии на ней я не отыскал. Вместо Штофенмахера стоял псевдоним, который придумал Казакевич: Гросс. Кстати, не только у меня появилась новая фамилия. Тогда в нашем новом коллективе вообще еще не было ни бутафора, ни техника-осветителя, но в афише я прочитал: бутафор – Дальний, техник-осветитель – Фриц. Когда я спросил директора, что все это значит, он хитро подмигнул и ответил: «Для солидности»...

Я описываю все так подробно, поскольку мне и всем его друзьям дорог каждый штрих, который характеризует этого удивительного человека. Нет, мы тогда не знали, что из

этого юного поэта, писавшего стихи по-еврейски, шутника, юмориста вырастет в будущем большой советский писатель – Эммануил Казакевич. Тогда он был нашим директором, и мы не знали, что во время войны он станет бесстрашным разведчиком. Когда я читал его лирические стихи, то не представлял, что читаю стихи будущего советского прозаика, который на романтически-эпический лад опишет Великую отечественную войну и станет основоположником многих важных тем в русской литературе.

Закончив с пребыванием на должности директора, Казакевич попрощался с нами и на память подарил театру свои прекрасные переводы пьесы Карла Гуцкова «Уриэль Акоста» и собственной комедии «Милх ун һоник» («Молоко и мед»). Он ушел из театра, но остался нашим большим другом. Эмма был хорошим товарищем и в трудных жизненных обстоятельствах оставался простым и сердечным и тогда, когда его имя стало известно в мире. Чувство юмора и озорство его сопровождало и тогда, когда его повести «Звезда», «Двое в степи», «Синяя тетрадь», роман «Весна на Одере» и другие произведения принесли ему огромную славу.

Не могу забыть ночь, которую я провел в Киеве во время наших гастролей. Словно мальчишка, он тогда сидел на полу, сняв очки, и говорил, не переставая, о литературе, театре, драматургии. Эмма очень любил театр и мечтал писать для сцены. В Кисловодске, где мы также оба отдохали, он рассказал сюжет комедии, которую собирался написать. Комедия должна была называться «Дэр гендзэнэр фэдэр» («Гусиное перо»).

Однажды во время совместной прогулки он остановился у старого дуба и произнес: «Видишь, как несправедливо устроен этот мир – когда-нибудь нас не станет, а это старое дерево будет стоять на этом же месте».

Осенним утром, приехав в театральную школу-студию в Столешниковом переулке, я застал группу актеров, приглашенных на работу в БирГОСЕТ. В коридоре было шумно и оживленно. Вижу Ефима Гельфанда со своим маленьким сынишкой Феликсом на руках. Гельфанд - бывший студент театрального училища, сейчас известный артист Одесского еврейского театра. А вот Яков Абрамович из харьковского еврейского театра – красивый, рослый артист, с ним рядом – его жена, Ольга Евгеньевна, с их мальчиком по имени Буба.

В углу коридора тусуется несколько человек. Артисты из Харькова Эпштейн и Островский «помирают со смеху» - они слушают анекдот, который низкорослый мужчина с лысиной, как у Михоэлса, что-то рассказывает. Кто же это? Комедийный артист из Одессы Юда Гуревич (Котойнти), любимец Марка Рубинштейна. Здесь же стоит высокий седовласый пожилой человек, запомнил его интересное имя - Власко. Он удивительно играл роль Голема, персонажа еврейской мифологии. С сильным басом хриплым басом и папиросой в губах стоит Иосиф Гуревич (брат Котойнти) и читает стихи Пастернака в своем переводе. Иосиф Гуревич станет позже известным переводчиком произведений еврейской литературы. С огромным успехом он перевел на русский язык современных еврейских поэтов, а также наших классиков – Шолом-Алейхема, Ицхока-Лейбуша Переца, Менделе-Мойхера Сфорима.

Сбоку у окна сидит худой человек. Он очень тепло одет. По-видимому, простужен. Тонкой пипеткой он пытается закапать капли в нос. Это художественный руководитель Биробиджанского театра Марк Аронович Рубинштейн...

«Советши Геймланд», № 8, 1973

Перевод с идиш: Зиси Вейцман, Беэр-Шева